№ 11.

Библіотека „Анархиста“

П. Кропоткинъ.

Освобожденіе рабочихъ е
дѣло рукъ самихъ рабочих

Безначальный Коммунизм

и

Экспропріація.

О

Цѣна 30 коп

МОСКВА.
1917 г.

Изданіе Московской Федераціи анархическихъ группъ.

№ 11.

Библіотека „Анархиста“.

П. Кропоткинъ.

Освобожденіе рабочихъ есть
дѣло рукъ самихъ рабочихъ.

Безначальный коммунизмъ

и

ЭКСПРОПРІАЦІЯ.

МОСКВА
1917 г.
Изданіе Московской Федераціи анархическихъ группъ.

„Проф 38"

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
590
29

МОСКВА.
Типографія Т. Ф. ДОРТМАНЪ, Газетный пер., д. 6. Телеф 1-06-45.
1917.

Анархическій коммунизмъ.

Всякое общество, покончившее съ частной собственностью, должно будетъ, по нашему мнѣнію, организоваться на началахъ анархическаго коммунизма. Анархизмъ неизбѣжно ведетъ къ коммунизму, а коммунизмъ—къ анархизму, причемъ и тотъ, и другой представляютъ собою ничто иное, какъ выраженіе одного и того же стремленія, преобладающаго въ современныхъ обществахъ—стремленія къ равенству.

Было время, когда крестьянская семья могла считать выращиваемый ею хлѣбъ и выдѣлываемую дома шерстяную одежду плодами своего личнаго труда. Правда, даже и тогда такой взглядъ былъ не совсѣмъ вѣренъ: уже тогда существовали мосты и дороги, устроенные сообща, были луга, осушенные общими силами, общинныя пастбища и загороди, поддерживавшіяся общими усиліями. Всякое усовершенствованіе въ ткацкомъ станкѣ или въ способѣ окраски холста шло на пользу всѣмъ; и крестьянская семья не могла существовать иначе какъ при условіи, что ей, не въ томъ, такъ въ другомъ, будетъ оказана мірская поддержка.

Но въ настоящее время, когда все связано и все переплетается между собою въ промышленности, когда каждая отрасль производства пользуется услугами всѣхъ остальныхъ,—искать долю каждаго въ современномъ производствѣ оказывается совершенно невозможнымъ. Если обработка волокнистыхъ веществъ и ковка металловъ достигли въ образованныхъ странахъ такого удивительнаго совершенства, то онѣ обязаны этимъ одновременному развитію тысячи другихъ, крупныхъ и мелкихъ отраслей промыш-

ленности, распространенію желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, навыку и ловкости, пріобрѣтеннымъ милліонами рабочихъ, извѣстному общему уровню развитія всего рабочаго класса и, наконецъ, вообще всѣмъ работамъ, которыя производятся на всемъ земномъ шарѣ.

Итальянцы, умиравшіе отъ холеры при прорытіи Суэзскаго канала или отъ деревенѣлости сочлененій въ Сенъ-Готардскомъ тунелѣ; американцы, погибавшіе отъ пушечныхъ ядеръ въ войнѣ за отмѣну рабства, сдѣлали для развитія хлопчатобумажной промышленности въ Россіи, въ Европѣ и въ Америкѣ не меньше, чѣмъ тѣ дѣвушки и дѣти, которыя чахнутъ на манчестерскихъ или московскихъ фабрикахъ, или тотъ инженеръ, который—большею частью на основаніи догадки кого-нибудь изъ рабочихъ—вноситъ улучшенія въ ткацкіе станки.

Какимъ образомъ опредѣлить, при такихъ условіяхъ, часть, приходящуюся на долю каждаго, въ тѣхъ богатствахъ, созданію которыхъ содѣйствуемъ мы всѣ?

Становясь на эту обобщающую точку зрѣнія, мы не можемъ поэтому согласиться съ коллективистами и не можемъ признать, чтобы вознагражденіе, пропорціональное числу часовъ, употребленныхъ каждымъ на производство этихъ богатствъ, представляло собою идеалъ, или хотя бы даже шагъ впередъ по направленію къ идеалу. Не входя здѣсь въ обсужденіе того, дѣйствительно ли мѣновая цѣнность товаровъ измѣряется въ современномъ обществѣ количествомъ необходимаго для ихъ производства труда, какъ утверждали Адамъ Смитъ и Рикардо, а за ними и Марксъ (мы вернемся къ этому впослѣдствіи), замѣтимъ только, что въ такомъ обществѣ, гдѣ орудія производства считаются общею собственностью, идеалъ коллективистовъ уже окажется неосуществимымъ. Разъ только общество приметъ за основаніе принципъ общественнаго владѣнія, ему неизбѣжно придется отказаться и отъ всякой формы наемнаго труда.

Мы твердо убѣждены въ томъ, что смягченный индиви-

дуализмъ коллективистовъ не сможетъ удержаться рядом
съ коммунизмомъ, хотя бы неполнымъ, но уже выраже
нымъ въ общемъ владѣніи землею и орудіями производств
Новая форма владѣнія собственностью потребуетъ и новс
формы распредѣленія того, что будетъ выработано на о
щей землѣ, общими орудіями труда. При новой форм
производства невозможна старая форма потребленія, точн
такъ же, какъ при ней невозможны и старыя формы п
литической организаціи.

Наемный трудъ есть результатъ присвоенія земли
орудій производства нѣсколькими лицами. Онъ былъ нео
ходимымъ условіемъ развитія капиталистическаго прои
водства и долженъ умереть вмѣстѣ съ нимъ, даже есл
бы его попытались замаскировать подъ именемъ „рабочих
чековъ“. Общая собственность на орудія производства н
избѣжно приведетъ и къ пользованію сообща продуктам
общаго труда.

Мы думаемъ, кромѣ того, не только что коммунизм
желателенъ, но что современныя общества, основанныя н
индивидуализмѣ, сами *неизбѣжно должны двигаться п
направленію къ коммунизму.*

Развитіе индивидуализма въ теченіе трехъ послѣдних
вѣковъ—т. е. усиливающееся стремленіе каждой отдѣл
ной личности обезпечить себя, помимо всѣхъ остальныхъ
объясняется, главнымъ образомъ, стремленіемъ человѣк
оградить себя, отъ власти капитала и государства. Нѣкс
торое время, большинство людей думали, а тѣ, кто слу
жилъ выразителями мыслей большинства, проповѣдывал
что, обезпечивъ себя, каждаго порознь, человѣкъ сможет
вполнѣ освободиться и отъ государства, и отъ капитал
„Деньги, думали люди, дадутъ мнѣ возможность купит
все, что мнѣ нужно, въ томъ числѣ и свободу“. Но ока
залось, что тутъ крылась глубокая ошибка. Современна
исторія заставляетъ каждаго признать, что деньгами н
свободы, ни даже личнаго, продолжительнаго и стойкаг
обезпеченія нельзя купить; что безъ сотрудничества всѣхъ

тдѣльный человѣкъ безсиленъ, какъ бы не были его сун-
уки полны золотомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ этимъ индивидуалистиче-
кимъ теченіемъ, мы находимъ во всей современной исто-
іи, съ одной стороны стремленіе удержать остатки древ-
яго коммунизма, а съ другой—возстановить коммунисти-
ескія начала въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ
бщественной жизни.

Какъ только общинамъ десятаго, одиннадцаго и двѣ-
адцатаго вѣка удалось освободиться отъ власти свѣт-
кихъ или духовныхъ владѣтелей, въ нихъ тотчасъ же
гали сильно развиваться начала общаго труда и общаго
отребленія.

Городъ—именно городъ, а не частныя лица („Господинъ
еликій Новгородъ“ въ Россіи)—снаряжалъ корабли и по-
ылалъ караваны для торговли съ отдаленными странами,
барыши отъ торговли доставались не отдѣльнымъ куп-
амъ, а опять-таки всѣмъ—городу; городъ же покупалъ и
ужные для жителей припасы. Слѣды этихъ учрежденій
охранились кое-гдѣ до самаго девятнадцатаго вѣка (до
848 года), и вездѣ народъ свято сохраняетъ воспоминаніе
нихъ въ своихъ преданіяхъ.

Все это исчезло. Одна только сельская община еще
орется за сохраненіе послѣднихъ слѣдовъ этого комму-
изма, да и то удается ей только до тѣхъ поръ, пока
осударство не броситъ на чашку вѣсовъ свой тяжелый
ечъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, повсюду возникаютъ въ самыхъ
азнообразныхъ формахъ новыя организаціи, основанныя
а томъ же принципѣ: *каждому по его потребностямъ*,
отому что безъ извѣстной доли коммунизма современныя
щества вовсе не могли бы существовать. Несмотря на
зко-эгоистическій характеръ, который придаетъ умамъ
юдей нашего времени товарное производство, коммуни-
тическое направленіе обнаруживается постоянно и прони-
аетъ въ наши отношенія во всевозможныхъ видахъ.

Не такъ давно еще, когда черезъ рѣку строили мостъ, то съ каждаго проѣзжаго и прохожаго взыскивали „мостовое“; теперь же мосты—общественная собственность и каждый пользуется ими, сколько ему нужно. Шоссейная дорога, за которую платятъ столько-то съ версты, сохранилась только на Востокѣ. Музеи, общественныя библіотеки, даровыя школы, общіе обѣды для дѣтей, парки и сады, открытые для всѣхъ, доступныя для всѣхъ, вымощенныя и освѣщенныя улицы, проведенная въ дома вода (причемъ замѣтно стремленіе вовсе не считать въ точности сколько ея расходуется въ каждомъ домѣ), все это учрежденія, основанныя на принципѣ: „берите, сколько вамъ нужно“.

Конки и желѣзныя дороги уже вводятъ мѣсячные и годовые билеты, сколько бы разъ въ году или каждый день вы не ѣздили взадъ и впередъ; а недавно въ цѣлой странѣ въ Венгріи (а за нею и въ Россіи), ввели на желѣзныхъ дорогахъ зонный тарифъ, дающій возможность проѣхать за одну и ту же цѣну, какъ пятьсотъ, такъ и семьсотъ верстъ. Отъ этого недалеко и до установленія одной общей платы за проѣздъ въ такой то области, какъ въ почтовомъ тарифѣ. Во всѣхъ этихъ и во множествѣ другихъ учрежденій (гостиницы, пансіоны и т. дал.), господствующее направленіе состоитъ въ томъ, чтобы не измѣрять потребленія. Одному нужно проѣхать тысячу верстъ другому только семьсотъ. Одинъ съѣдаетъ три фунта хлѣба, другой только два... Это—чисто личныя потребности, и нѣтъ никакого основанія заставлять перваго платить въ полтора раза больше. И такое уравниваніе обнаруживается даже въ нашемъ индивидуалистическомъ обществѣ.

Кромѣ того, замѣчается стремленіе, хотя еще и слабое поставить потребности личности выше оцѣнки услугъ, которыя она оказала или окажетъ когда-нибудь обществу. Общество разсматривается такимъ образомъ какъ цѣлое, каждая часть котораго такъ тѣсно связана со всѣми другими, что услуга, оказанная кому-нибудь, есть вмѣстѣ съ тѣмъ—услуга, оказанная всѣмъ.

Когда вы приходите въ общественную библіотеку—только не въ парижскую, а напримѣръ въ лондонскую или берлинскую,—библіотекарь не спрашиваетъ васъ, прежде чѣмъ дать вамъ нужную книгу, или хотя бы даже пятьдесятъ книгъ, какія услуги вы оказали обществу? Онъ просто даетъ вамъ книги, а въ случаѣ надобности даже поможетъ вамъ найти книгу въ каталогѣ, если вы не умѣете сдѣлать этого сами. Точно такъ же, за извѣстный вступительный взносъ—причемъ вкладъ въ видѣ труда нерѣдко даже предпочитается денежному взносу—научныя общества открываютъ вамъ свои музеи, сады, библіотеки, лабораторіи, ежегодныя празднества,—каждому члену безразлично, будь онъ Дарвинъ, или простой любитель.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, если вы работаете надъ какимъ-нибудь изобрѣтеніемъ, вы можете отправиться въ особую мастерскую, гдѣ вамъ отведутъ мѣсто, дадутъ столярный верстакъ или станокъ и всѣ необходимые инструменты, всѣ приборы,—лишь бы только вы умѣли ими владѣть—и предоставятъ вамъ работать сколько хотите.—„Вотъ вамъ нужные инструменты, привлеките къ своему дѣлу своихъ друзей, если найдете нужнымъ, соединитесь съ товарищами другихъ ремеслъ—или работайте въ одиночку, если вамъ это больше нравится,—изобрѣтайте воздухоплавательный снарядъ, или не изобрѣтайте ровно ничего это ваше дѣло. У васъ есть своя идея, и этого достаточно“.

Точно такъ же добровольцы, принадлежащіе къ обществу спасанія на водахъ, не спрашиваютъ объ ихъ званіи и заслугахъ у матросовъ тонущаго корабля; они пускаются въ море во время бури, рискуютъ своею жизнью среди разъяренныхъ волнъ и нерѣдко погибаютъ сами, ради спасенія людей, имъ совершенно неизвѣстныхъ. Да и къ чему имъ знать ихъ? „Въ нашихъ услугахъ нуждаются; тамъ находятся человѣческія существа, взывающія о помощи—это достаточно: въ этомъ уже заключается ихъ право на спасеніе. Идемъ же спасать ихъ!“

Таково направленіе—истинно коммунистическое—про-

являющееся повсюду, во всевозможныхъ формахъ, въ самой средѣ нашего общества, исповѣдующаго индивидуализмъ.

Но пусть завтра какое-нибудь бѣдствіе, напримѣръ осада города непріятелемъ, постигнетъ одинъ изъ нашихъ большихъ городовъ—страшно эгоистичныхъ въ обыкновенное время, и этотъ самый городъ рѣшитъ, что, прежде всего нужно удовлетворить потребности дѣтей и стариковъ, не справляясь съ услугами, которыя они оказали, или окажутъ обществу; что нужно накормить прежде всего именно ихъ и что нужно заботиться обо всѣхъ сражающихся, независимо отъ ума или храбрости, которые проявитъ тотъ или другой изъ нихъ; а затѣмъ тысячи женщинъ и мужчинъ будутъ наперерывъ проявлять свое самопожертвованіе въ уходѣ за ранеными.

Итакъ, это стремленіе существуетъ. Оно становится все болѣе замѣтнымъ, по мѣрѣ того, какъ удовлетворяются наиболѣе настоятельныя потребности каждаго, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ производительная сила человѣчества; еще болѣе дѣлается оно замѣтнымъ всякій разъ когда на мѣсто мелочныхъ заботъ нашей ежедневной жизни выступаетъ какая-нибудь общая идея.

Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что когда орудія производства перейдутъ въ собственность всѣхъ,—когда работа будетъ производиться сообща, а трудъ, который займетъ во обществѣ принадлежащее ему по праву почетное мѣсто, будетъ давать гораздо больше продуктовъ чѣмъ требуется,—что это стремленіе (сильное уже и теперь) расширитъ область своего приложенія и сдѣлается основнымъ началомъ общественной жизни?

Въ силу всѣхъ этихъ данныхъ, а такъ же и въ виду практическихъ соображеній относительно экспропріацій, о которой будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ, мы думаемъ что какъ только революція сломитъ силу, поддерживающую современный порядокъ, нашею первою обязанностью будетъ немедленное осуществленіе коммунизма.

Но нашъ коммунизмъ не есть коммунизмъ фаланстера

или коммунизмъ нѣмецкихъ теоретиковъ-государственниковъ. Это—коммунизмъ анархическій, коммунизмъ безъ правительства, коммунизмъ свободныхъ людей. Это синтезъ двухъ цѣлей, преслѣдовавшихся человѣчествомъ во всѣ времена—свободы экономической и свободы политической.

II.

Принимая „анархію“ какъ идеалъ политической организаціи, мы опять-таки лишь формулируемъ другое очевидное стремленіе человѣчества. Всякій разъ, когда развитіе европейскихъ обществъ давало имъ возможность сбросить съ себя ярмо власти, общество такъ и дѣлало, и немедленно пыталось установить такую систему взаимныхъ отношеній, которая основывалась бы на началахъ личной свободы. И мы видимъ въ исторіи, что тѣ времена, когда сила правительства бывала расшатана, ослаблена или доведена до наименьшей степени, путемъ мѣстныхъ или общихъ возстаній, были вмѣстѣ съ тѣмъ временами неожиданно быстраго развитія хозяйственнаго и политическаго.

Мы видимъ это во времена независимыхъ городовъ, настолько двинувшихъ человѣчество впередъ, въ какіе-нибудь двѣсти или триста лѣтъ, въ наукахъ, искусствѣ, ремеслахъ, архитектурѣ, что раньше того времени, за пять, десять вѣковъ не совершалось такого прогресса; видимъ на крестьянскомъ возстаніи, совершившемъ Реформацію и грозившемъ уничтожить папскую власть, на свободномъ (въ теченіе нѣкотораго времени) обществѣ, создавшемся по ту сторону атлантическаго океана, въ Америкѣ, недовольными элементами старой Европы.

И если мы присмотримся къ современному развитію образованныхъ народовъ, то мы ясно увидимъ, какъ въ нихъ все болѣе и болѣе растетъ движеніе съ цѣлью ограничить область дѣйствія правительства и предоставить личности все бо́льшую и бо́льшую свободу. Въ этомъ именно направленіи совершается современное развитіе, хотя ему и

мѣшаетъ весь хламъ унаслѣдованныхъ отъ прошлаго учреж
деній и предразсудковъ. Какъ всякая эволюція, она тольк
ждетъ революціи, чтобы разрушить стоящія ей на пут
ветхія постройки и свободно проявиться въ новомъ, воз
рожденномъ обществѣ.

Долго люди пытались разрѣшить неразрѣшимую задачу
„найти такое правительство, которое могло бы заставит
личность повиноваться, причемъ само не выходило бы из
повиновенія обществу". Теперь же человѣчество старается
освободиться вовсе отъ правительства и удовлетворять сво
потребности путемъ свободнаго соглашенія между лично
стями и группами, стремящимися къ одной цѣли. Незави
мость каждой территоріальной, земельной единицы, т. е
деревни, города, области, страны, становится настоятель
ною потребностью; взаимное соглашеніе замѣняетъ собою
понемногу законодательство и направляетъ отдѣльные ча
стные интересы къ одной общей цѣли, независимо отъ го
сударственныхъ границъ.

Всѣ отправленія, которыя недавно еще считались исклю
чительно принадлежностью государства, теперь оспариваются
у него: безъ его вмѣшательства люди устраиваются легче
и удобнѣе. И, разсматривая успѣхи, сдѣланные уже въ
въ этомъ направленіи, мы неизбѣжно приходимъ къ за
ключенію, что человѣчество стремится свести дѣятельность
правительства къ нулю и уничтожить государство—это
олицетвореніе несправедливости, притѣсненія и всевозмож
ныхъ монополій въ рукахъ капиталистовъ.

Мы уже можемъ предвидѣть такое общество, въ кото
ромъ личность, не связанная законами, будетъ руководиться
исключительно привычками общественности, которая сама
есть слѣдствіе испытываемой каждымъ изъ насъ потребно
сти искать поддержки, сотрудничества и сочувствія у дру
гихъ людей.

Представленіе объ обществѣ безъ государства вызоветъ
конечно, по меньшей мѣрѣ, столько же возраженій, какъ
и представленіе о такомъ хозяйственномъ строѣ, въ кото-

омъ отсутствуетъ частный капиталъ. Мы всѣ выросли на
ѣлой кучѣ предразсудковъ относительно государства,
рающаго роль Провидѣнія въ отношеніяхъ людей между
бою, все наше воспитаніе, начиная съ преподаванія рим-
кихъ преданій, извѣстныхъ подъ названіемъ римской исто-
и, и кончая византійскими законами Юстиніана, которые
зучаются подъ названіемъ римскаго права, а также все-
озможными науками «о правѣ», преподаваемыми въ на-
ихъ университетахъ,—все пріучаетъ насъ вѣрить въ пра-
ительство и въ достоинства вездѣсущаго и всемогущаго
осударства.

Цѣлыя философскія системы были выработаны и стали
редметомъ преподаванія, съ цѣлью поддержанія этого пред-
азсудка. Съ тою же цѣлью были созданы различныя тео-
іи права. Вся политика основана на этомъ началѣ, и каж-
ый политическій дѣятель, къ какой бы партіи онъ ни
инадлежалъ, всегда обращается къ народу со словами:„
айте *мнѣ* въ руки власть, и я васъ избавлю отъ гнету-
ихъ васъ бѣдствій: я имѣю возможность это сдѣлать.“

Отъ колыбели до могилы, всѣ наши дѣйствія управля-
ются этими же началами повиновенія государству и всемо-
ущества правительствъ. Откройте любую книгу по обще-
твенной наукѣ (соціалогіи), или по юриспруденціи, и вы
видите, что правительство, его организація и его дѣйствія
сегда занимаютъ въ этихъ книгахъ такое важное мѣсто,
то мы, учащіеся по нимъ, привыкаемъ думать, будто внѣ
равительства и государственныхъ людей ничего не суще-
твуетъ.

То же самое повторяется на всѣ лады и въ газетахъ.
Цѣлые столбцы посвящаются парламентскимъ преніямъ
политическимъ кознямъ, въ то время, какъ вся огромная
жедневная жизнь народа, идущая своимъ путемъ внѣ го-
ударственной рамки, едва затрогивается въ нѣсколькихъ
трокахъ,—и то только по поводу какого-нибудь проис-
ествія, сообщеннаго полиціею. И когда вы читаете эти
азеты, вы совершенно забываете думать о безчисленномъ

множествѣ существъ—т. е., собственно говоря, обо всемъ человѣчествѣ,—которыя растутъ и умираютъ, страдаютъ, трудятся и потребляютъ, думаютъ и творятъ, помимо этихъ навязчивыхъ людей, которыхъ мы до того возвеличили, что ихъ тѣнь, разросшаяся благодаря нашему невѣжеству, заслонила собою все человѣчество.

А между тѣмъ, какъ только мы перейдемъ отъ печатной бумаги къ самой жизни, какъ только мы взглянемъ на окружающее насъ общество, мы будемъ поражены тѣмъ, что правительство играетъ такую незначительную роль. Еще Бальзакъ замѣтилъ, что милліоны крестьянъ живутъ всю свою жизнь, не зная относительно государства ничего, кромѣ того, что они вынуждены платить ему большіе налоги. Милліоны торговыхъ и всякихъ другихъ сдѣлокъ совершаются ежедневно безъ всякаго вмѣшательства правительства, и самыя крупныя изъ нихъ—коммерческія и биржевыя сдѣлки—заключаются такъ неформально, что правительство и не могло бы вмѣшаться въ нихъ, если бы одна изъ сторонъ возъимѣла намѣреніе не исполнить принятаго обязательства. Поговорите съ любымъ человѣкомъ, свѣдущимъ въ коммерческихъ дѣлахъ, и онъ вамъ скажетъ, что торговыя операціи, происходящія ежедневно между коммерсантами, были бы совершенно невозможны, если бы громадное большинство изъ нихъ не основывалось на взаимномъ довѣріи. Простая привычка держать слово, боязнь потерять кредитъ оказываются болѣе чѣмъ достаточными для поддержанія той относительной честности, которая называется коммерческою честностью. Даже такіе люди, которые безъ всякаго зазрѣнія совѣсти станутъ отравлять своихъ покупателей негоднымъ товаромъ, считаютъ долгомъ чести исполнять свои обязательства по отношенію къ другимъ купцамъ. Но если эта относительная честность могла развиться, даже при теперешнихъ условіяхъ, когда обогащеніе составляетъ единственный двигатель и единственную цѣль, то можемъ ли мы сомнѣваться въ томъ, что ея развитіе пойдетъ не-

равненно быстрѣе, какъ только присвоеніе чужого труда перестанетъ служить основою общественной жизни?

Другой поразительный фактъ, очень характерный для современной жизни, еще краснорѣчивѣе говоритъ въ томъ же направленіи. Это—постоянное увеличеніе области предпріятій, основанныхъ на частномъ починѣ и необычайное развитіе свободныхъ союзовъ для всевозможныхъ цѣлей. Мы остановимся на этомъ подробнѣе въ главахъ, посвященныхъ *свободному соглашенію;* здѣсь же достаточно будетъ сказать, что этого рода факты такъ многочисленны и такъ обычны, что самою существенною чертою второй половины нашего вѣка слѣдуетъ признать развитіе вольныхъ союзовъ, хотя соціалистическіе и политическіе писатели не замѣчаютъ ихъ и предпочитаютъ постоянно говорить намъ о благодѣтельной роли правительства въ будущемъ.

Эти свободныя, до безконечности разнообразныя организаціи, представляютъ собою настолько естественное явленіе; онѣ растутъ такъ быстро, группируются такъ легко и составляютъ такой неизбѣжный результатъ постояннаго возрастанія потребностей образованнаго человѣка; и наконецъ, онѣ такъ легко и выгодно замѣняютъ собою правительственное вмѣшательство, что мы неизбѣжно должны признать въ нихъ явленіе, котораго значеніе въ жизни обществъ неизбѣжно должно расти съ каждымъ годомъ.

Если такіе вольные союзы еще не распространились на всѣ общественныя и жизненныя явленія, то это зависитъ только отъ того, что они встрѣчаютъ непреодолимыя препятствія въ бѣдности рабочихъ, въ дѣленіи современнаго общества на касты, въ частной собственности—и въ особенности—въ государствѣ. Уничтожьте эти препятствія и вы увидите, что они быстро покроютъ все необозримое поле дѣятельности образованныхъ людей.

Исторія послѣдняго пятидесятилѣтія служитъ также живымъ доказательствомъ того, что никакое конституціонное правительство не способно къ исполненію тѣхъ отпра-

вленій, которыя государство захватило въ свои руки. На девятнадцатый вѣкъ будутъ когда-нибудь указывать, какъ на эпоху крушенія парламентаризма.

Это безсиліе такъ очевидно для всѣхъ, ошибки парламентаризма и прирожденные недостатки такъ-называемаго представительнаго правленія настолько бросаются въ глаза что тѣ немногіе мыслители, которые занялись критикою этой формы правленія (Дж. Ст. Милль, Лавердэ), были лишь выразителями общаго недовольства. Не нелѣпо ли, въ самомъ дѣлѣ, избрать нѣсколькихъ человѣкъ и сказать имъ: „Пишите для насъ законы относительно всѣхъ проявленій нашей жизни, даже если вы сами ничего не знаете объ этихъ проявленіяхъ“? Люди начинаютъ понимать, что такъ называемое „правленіе большинства“ на дѣлѣ значитъ—отдать всѣ дѣла страны въ руки тѣхъ немногихъ которыми составляется большинство во всякой Палатѣ,— т. е. въ руки „болотныхъ жабъ“, какъ ихъ называли во время французской революціи, или людей, которые не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ воззрѣній, а пристаютъ то къ «правой» то къ «лѣвой» партіи, смотря по тому, откуда дуетъ вѣтеръ и съ кого можно больше сорвать. Конституціонное правленіе конечно было шагомъ впередъ противъ неограниченнаго правленія дворцовыхъ партій, но человѣчество не можетъ закиснуть на немъ: оно ищетъ уже новыхъ выходовъ—и находитъ ихъ.

Всемірный почтовый союзъ, общества желѣзныхъ дорогъ, различныя ученыя общества представляютъ собою примѣры предпріятій, основанныхъ на свободномъ согласіи, замѣнившемъ собою законъ.

Въ настоящее время, когда какія-нибудь группы, разсѣянныя въ различныхъ концахъ земного шара, хотятъ организоваться съ какою-нибудь цѣлью, они уже не выбираютъ интернаціональнаго парламента изъ „пригодныхъ на всякое дѣло депутатовъ“ и не говорятъ имъ: „Дайте намъ законъ и мы будемъ вамъ повиноваться“. Если нѣтъ возможности сговориться прямо, или при помощи переписки

онѣ посылаютъ на конгрессъ людей, спеціально изучившихъ данный вопросъ, которымъ говорятъ: „Постарайтесь сговориться относительно того-то и того-то и возвращайтесь съ намъ—не съ готовыми законами въ карманѣ—они намъ не нужны,—а съ *проэктомъ соглашенія*, которое мы можемъ принять, но можемъ и не принять".

Такъ дѣлаютъ, между прочимъ, вотъ уже полъ вѣка, англійскіе рабочіе союзы. Они ничего не привозятъ со своихъ съѣздовъ, кромѣ *предложеній*, которыя разсматриваются каждымъ союзомъ порознь и либо принимаются имъ, либо отвергаются. Точно такъ же поступаютъ и крупныя промышленныя компаніи, ученыя общества и всевозможные союзы, покрывающіе цѣлою сѣтью Европу и Соединенные Штаты. Такъ же станетъ поступать и общество освободившееся отъ государственной власти. Что бы отнять землю, фабрики и заводы у тѣхъ, кто ими владѣетъ теперь, парламенты окажутся совершенно негодными. Покуда общество было основано на крѣпостномъ правѣ, оно могло мириться съ неограниченной монархіей; а когда оно основалось на наемномъ трудѣ и эксплуатаціи массъ капиталистами, оно нашло лучшій оплотъ эксплуатаціи въ парламентаризмѣ. Но общество свободное, взявшее въ свои руки общее наслѣдіе,—землю, фабрики, капиталы—должно будетъ искать новой политической организаціи, соотвѣтствующей новой хозяйственной жизни—организаціи, основанной на свободномъ союзѣ и вольной федераціи.

Каждому экономическому фазису соотвѣтствуетъ въ исторіи свой политическій фазисъ; нельзя разрушить теперешнюю форму собственности, не введя вмѣстѣ съ тѣмъ и новаго строя политической жизни.

Экспропріація.

Разсказываютъ, что въ 1848 году, когда революція за ставляла Ротшильда дрожать за свое состояніе, онъ выд малъ слѣдующую штуку. — «Хорошо, сказалъ онъ, доп стимъ, что мое богатство нажито на счетъ другихъ. Н если его раздѣлить поровну между всѣми жителями Европ то на каждаго придется не больше одного пяти-франк вика (двухъ рублей). Что-жъ, я согласенъ выдать каждом его пятифранковикъ, если онъ его потребуетъ.

Объявивши это и распубликовавши свои слова, бога сталъ спокойно разгуливать по улицамъ Франкфурта. Ра три или четыре къ нему подходили люди и просили ве нуть имъ ихъ пяти-франковики, что онъ и дѣлалъ, с дьявольски насмѣшливой улыбкой. Фокусъ, такимъ обр зомъ, удался, и потомство милліонера продолжаетъ сихъ поръ владѣть своими милліонами.

Почти такъ же разсуждаютъ и тѣ буржуазные мудрец которые говорятъ намъ: «А, экспропріація! Понимаю! Э значитъ, взять у каждаго пальто, сложить ихъ всѣ кучу, а затѣмъ пусть каждый беретъ себѣ пальто изъ ку и дерется за самое лучшее со всѣми остальными!» Но дѣйствительности, это болтовня — не болѣе, какъ глуп шутка.

Мы вовсе не хотимъ складывать въ кучу всѣ пальт чтобъ потомъ распредѣлять ихъ (хотя даже при так системѣ тѣ, которые дрожатъ теперь отъ холода бе одежды,—все таки остались бы въ выигрышѣ). Точно та же мы вовсе не хотимъ и дѣлить деньги Ротшильда. М

отимъ устроить такъ, чтобы каждому родящемуся на
ѣтъ человѣческому существу было обезпечено, во-пер-
ыхъ, то, что оно выучится какому-нибудь производитель-
ому труду и пріобрѣтетъ въ немъ навыкъ, а во-вторыхъ,
), что оно сможетъ заниматься этимъ трудомъ, не спра-
ивая на то разрѣшенія у какого-нибудь собственника
ли хозяина, и не отдавая львиной доли всего своего труда
одямъ, захватившимъ въ свои руки землю и машины.

Что же касается до различныхъ богатствъ, находя-
ихся во владѣніи Ротшильдовъ или Вандербильтовъ, то
ни только помогутъ намъ лучше организовать наше про-
зводство сообща.

Когда крестьянинъ сможетъ пахать землю, не отдавая
арю и помѣщику половину жатвы, когда всѣ машины,
ужныя для того, чтобы вспахать и удобрить землю, бу-
утъ въ изобиліи, въ распоряженіи самого пахаря; когда
абричный рабочій будетъ производить для общества, а
е для тѣхъ, кто пользуется его бѣдностью,—тогда рабо-
е перестанутъ ходить впроголодь, въ лохмотьяхъ; и ни
отшильдовъ, ни другихъ эксплуататоровъ больше не бу-
етъ. Разъ никто не будетъ вынужденъ продавать свою
абочую силу за такую плату, которая представляетъ
ишь часть того, что онъ выработалъ,—тогда и Ротшиль-
амъ неоткуда взяться.

— „Ну, хорошо," — скажутъ намъ. „Но вѣдь къ вамъ
огутъ явиться Ротшильды извнѣ. Можете ли вы помѣ-
ать человѣку нажить милліоны гдѣ нибудь въ Китаѣ, а
атѣмъ пріѣхать и поселиться у насъ? Можете ли вы по-
ѣшать ему окружить себя наемными слугами и рабочими,
ксплуатировать и обогащаться на ихъ счетъ?

„Не можете же вы произвести революцію на всемъ
емномъ шарѣ въ одно время. Что же тогда? Ужъ не
ганете ли вы устраивать пограничныя таможни и обы-
кивать пріѣзжающихъ, чтобы конфисковать ввозимыя ими
еньги? Жандармы-анархисты, стрѣляющіе по путешестве-
икамъ—вотъ будетъ любопытное зрѣлище!"

Въ основѣ всѣхъ этихъ разсужденій лежитъ одна круг
ная ошибка: люди не задаются вопросомъ о томъ, откуд
происходитъ состояніе богачей? А между тѣмъ, стоит
только немного подумать, чтобы увидать, что богатств
однихъ зависитъ исключительно отъ бѣдности другихъ
Тамъ, гдѣ не будетъ бѣдныхъ, не будетъ и эксплуатир
ющихъ ихъ богачей. Только изъ нищеты народа и созда
ются богатства.

Возьмите, въ самомъ дѣлѣ, средніе вѣка, въ ту пор
когда начали зарождаться крупныя состоянія. Какой-нибуд
феодальный баронъ (а въ Россіи—бояринъ или князь) за
хватывалъ тогда цѣлую плодородную, незаселенную област
Но пока эта земля не была заселена, онъ совсѣмъ не был
богатъ; земля ничего ему не приносила и имѣла для нег
не больше цѣны, чѣмъ какія-нибудь помѣстья на лунѣ. —
Что же дѣлалъ нашъ баронъ, чтобъ обогатиться? — Он
искалъ крестьянъ, бѣдноту.

Но если бы у каждаго крестьянина былъ клочекъ земл
не обложенный никакими податями, если бы у него был
кромѣ того, нужныя орудія и скотъ, то кто же пошел
бы работать на землѣ барона? Каждый несомнѣнно остал
бы работать у себя, и баронъ оставался бы ни причем
Но въ дѣйствительности, баронъ находилъ цѣлыя селен
бѣдняковъ, разоренныхъ войнами, засухами, чумой, паде
жами, не имѣвшихъ ни лошади, ни плуга (желѣзо въ сред
ніе вѣка было дорого, дороги были и рабочія лошади).

Вездѣ были такіе бѣдняки, искавшіе возможност
устроиться гдѣ-нибудь получше и бродившіе ради этого п
дорогамъ. И вотъ они видѣли гдѣ-нибудь на перекресткѣ
на границѣ владѣній нашего барона, столбъ, на которо
обозначено было различными крестами и другими понят
ными для нихъ знаками, что крестьянинъ, который посе
лится на этой землѣ, получитъ, кромѣ земли, соху, лѣс
для избы, лошадь и сѣмена, никому ничего не плат
столько-то лѣтъ. Число этихъ годовъ, скажемъ девят

ѣтъ — и бызало отмѣчено на столбѣ девятью крестами, крестьянинъ хорошо понималъ, что значатъ эти кресты.

И вотъ бѣднота шла селиться на земляхъ барона. Они окладызали дороги, осушали болота, строили деревни, заводились скотомъ и сперва никакихъ податей не плали. Затѣмъ, черезъ девять лѣтъ, баронъ заставлялъ съ заключить съ нимъ арендный договоръ, а еще черезъ ть — заставлялъ платить себѣ оброкъ потяжеле, а тамъ ять увеличивалъ его, покуда у крестьянъ хватало силъ атить; и крестьянинъ соглашался на новыя условія, поому что лучшихъ онъ не могъ найти нигдѣ. И вотъ мало малу, особенно при содѣйствіи законовъ, которые пились баронами, нищета крестьянина становилась источкомъ обогащенія помѣщика, и не одного только помѣика, а еще и цѣлаго роя ростовщиковъ, которые набравались на деревню и все болѣе плодились по мѣрѣ того, къ крестьянину становилось тяжелѣе платить. А тамъ, ядишь, крестьянинъ становился и крѣпостнымъ барона, уже никуда не смѣлъ уйти съ земли.

Такъ было въ Средніе вѣка. Но не происходитъ ли то самое и теперь? Если бы были свободныя земли, которыя крестьянинъ могъ бы свободно обрабатывать, развѣ онъ сталъ бы платить барину по сто рублей за десятину вѣчность? Развѣ онъ сталъ бы платить непосильную ендную плату, отнимающую у него треть, а не то и льше всей его жатвы? Развѣ онъ согласился бы сдѣлаться оловникомъ, т. е. отдавать собственнику половину своего южая?

Но у него ничего нѣтъ,—а потому онъ и соглашается все, лишь бы ему позволили кормиться съ земли, и оимъ потомъ и кровью онъ обогащаетъ помѣщика. Изъ жичьей бѣдности — изъ нищеты — растутъ княжескіе, афскіе и купеческіе капиталы, въ нашемъ двадцатомъ вкѣ, точно также, какъ и въ Средніе вѣка.

II.

Помѣщикъ богатѣетъ отъ мужичьей бѣдности; и точно также, отъ чужой бѣдности богатѣетъ хозяинъ фабрики и завода.

Вотъ, напримѣръ, буржуй, который тѣмъ или инымъ путемъ оказался обладателемъ суммы въ двѣсти тысячъ рублей. Онъ можетъ, конечно, проживать ихъ по двадцати тысячъ въ годъ, что при нынѣшней безумной роскоши, въ сущности не особенно много. Но тогда, черезъ десять лѣтъ у него ничего не останется. Поэтому, въ качествѣ человѣка «практическаго», онъ предпочитаетъ сохранить свой капиталъ въ цѣлости и, кромѣ того, создать себѣ порядочный ежегодный доходецъ.

Добиться этого, въ нашемъ теперешнемъ обществѣ — очень просто, именно потому, что города и деревни кишатъ рабочимъ людомъ, которому не на что прожить даже одного мѣсяца, даже и недѣли. И вотъ нашъ буржуа находитъ подходящаго инженера и строитъ заводъ. Банкиры охотно даютъ ему взаймы еще двѣсти тысячъ рублей — особенно если онъ пользуется репутаціей продувного человѣка, — и съ помощью этого капитала онъ уже получаетъ возможность заставить работать на себя, ну хоть четыреста рабочихъ.

Но если бы кругомъ его, въ каждомъ городѣ и деревнѣ люди имѣли обезпеченное существованіе, — кто же пошелъ бы работать къ нашему буржуа? Никто не согласился бы работать на него за рубль въ день, когда всякій знаетъ, что если продать товаръ, сработанный въ одинъ день, за него можно получить три или пять рублей. Къ несчастью, какъ намъ всѣмъ хорошо извѣстно, бѣдные кварталы городовъ и сосѣднія деревни полны голодающихъ семей, и не успѣетъ заводъ отстроиться, какъ рабочіе уже сбѣгаются со всѣхъ сторонъ. «Прими насъ, батюшка, Христа ради; ужъ мы рады на тебя стараться, а намъ лишь бы подати заплатить и ребятишекъ прокормить». Ихъ было

нужно, можетъ быть, триста, а явилась цѣлая тысяча. И, какъ только заводъ начнетъ работать, хозяинъ—если онъ только не совершенный дуракъ—будетъ получать съ каждаго работающаго у него рабочаго около двухъ или трехъ сотъ рублей ежегодно. У него составится, такимъ образомъ, порядочный доходецъ, и если онъ выбралъ выгодную отрасль производства, и обладаетъ при этомъ нѣкоторою ловкостью, то онъ будетъ разширять понемногу свой заводъ, удвоитъ число обираемыхъ имъ рабочихъ и еще увеличитъ свой доходъ.

Тогда онъ станетъ почтеннымъ лицомъ въ городѣ и сможетъ принимать у себя другихъ такихъ же почтенныхъ чиновниковъ, а не то и губернатора; потомъ онъ постарается соединить свое состояніе съ другимъ большимъ состояніемъ, обвѣнчавшись съ богатою невѣстою, выхлопочетъ выгодныя мѣстишки для своихъ дѣтей, и, наконецъ, получитъ какой нибудь заказъ отъ государства, ну, хоть поставку гнилыхъ сапогъ для войска или гнилой муки для мѣстной тюрьмы. Тутъ онъ уже совсѣмъ округлить свой капиталъ, а если на его счастье случится война, или пройдетъ просто слухъ о войнѣ, онъ уже не упуститъ случая; либо окажется подрядчикомъ, либо совершитъ какое-нибудь крупное биржевое мошенничество, и станетъ тузомъ.

Девять-десятыхъ тѣхъ колоссальныхъ богатствъ, которыя мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, обязаны своимъ происхожденіемъ (какъ доказалъ Генри Джорджъ въ своей книгѣ «Соціальные Вопросы») какому-нибудь крупному мошенничеству, совершенному съ помощью государства. Въ Европѣ, во всѣхъ нашихъ монархіяхъ и республикахъ, девять десятыхъ состояній имѣютъ тоже происхожденіе: дѣлаться милліонеромъ можно только такимъ путемъ.

Вся наука обогащенія сводится къ этому: найти бѣдняковъ, платить имъ треть или четверть того, что они могутъ сработать, и накопить такимъ образомъ состояніе; затѣмъ увеличить его посредствомъ какой-нибудь крупной операціи при помощи государства.

Стоитъ ли говорить послѣ этого о тѣхъ небольшихъ состояніяхъ, которыя экономисты приписываютъ «сбереженіямъ», тогда какъ въ дѣйствительности «сбереженія» сами по себѣ не приносятъ ничего, если только сбереженныя деньги не употребляются на эксплуатацію бѣдняковъ.

Вотъ, напримѣръ, сапожникъ. Допустимъ, что его трудъ хорошо оплачивается, что у него всегда есть выгодные заказы и что, цѣною ряда лишеній, ему удается откладывать по рублю въ день или двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Допустимъ, что ему никогда не случается болѣть что несмотря на свою страсть къ сбереженію, онъ хорошо питается, что онъ не женатъ, или что у него нѣтъ дѣтей, что онъ не умретъ въ концѣ концовъ отъ чахотки— допустимъ все, что вамъ угодно! Мечтать—такъ мечтать И все-таки, къ пяти-десяти годамъ онъ не накопитъ даже девяти тысячъ рублей, и съ этимъ запасомъ ему нечѣмъ будетъ прожить, когда онъ состарится и больше не сможетъ работать. Нѣтъ, большія состоянія, очевидно, нажи ваются не такъ.

Но представимъ себѣ другой случай. Какъ только нашъ сапожникъ накопитъ немного денегъ, онъ сейчасъ же снесетъ ихъ въ сберегательную кассу, которая дастъ ихъ взаимы какому-нибудь буржуа, — предпринимателю по эксплуатаціи бѣдняковъ. Затѣмъ, этотъ сапожникъ возьметъ себѣ ученика—сына какого-нибудь бѣдняка, который будетъ считать себя счастливымъ, если мальчикъ выучится черезъ пять лѣтъ ремеслу и сможетъ зарабатывать свой хлѣбъ.

Ученикъ будетъ доставлять нашему сапожнику доходецъ и, если только у него будутъ заказы, онъ возьметъ еще и второго и третьяго ученика. Позднѣе онъ найметъ рабочихъ, — бѣдняковъ, которые будутъ очень рады получать рубль или полтинникъ въ день, за работу, которая стоитъ трехъ или четырехъ рублей. И если нашему сапожнику «повезетъ», т. е. если онъ окажется достаточно ловкимъ, его рабочіе и ученики будутъ доставлять ему окол

десяти рублей въ день дохода, помимо его собственнаго труда. Тогда онъ сможетъ расширить свое предпріятіе, начнетъ мало по малу обогащаться и не будетъ вынужденъ экономить на необходимой пищѣ. И, въ концѣ концовъ, онъ оставитъ своему сыну маленькое наслѣдство.

Вотъ что и называется „быть экономнымъ, сдѣлать сбереженіе". Въ сущности все это значитъ просто—умѣть наживать трудомъ тѣхъ, кому ѣсть нечего.

Торговля, на первый взглядъ, кажется исключеніемъ изъ этого правила. — „Вотъ напримѣръ", скажутъ намъ, „человѣкъ, который покупаетъ чай въ Китаѣ, привозитъ его во Францію и такимъ образомъ получаетъ тридцать процентовъ прибыли на свой капиталъ; онъ никого не эксплуатируетъ".

А между тѣмъ, въ сущности, и въ торговлѣ все то же. Если бы нашъ торговецъ переносилъ чай на своей собственной спинѣ, тогда—другое дѣло! Въ былыя времена, въ началѣ Среднихъ Вѣковъ торговля именно такъ и велась. Поэтому такихъ чудовищныхъ состояній, какъ въ наше время, и нельзя было нажить: послѣ труднаго и опаснаго путешествія, купцу едва-едва удавалось отложить небольшой барышъ. Люди занимались торговлей не столько ради барыша, сколько ради любви къ путешествіямъ и къ приключеніямъ.

Теперь же дѣло происходитъ гораздо проще. Купецъ, обладающій капиталомъ, можетъ обогащаться, не трогаясь съ мѣста. Онъ поручаетъ по телеграфу комиссіонеру купить сто тоннъ чая; зафрахтовываетъ корабль и черезъ нѣсколько недѣль—или черезъ три мѣсяца, если путешествіе совершается на парусномъ суднѣ— корабль привозитъ ему его товаръ. Онъ не рискуетъ даже возможными приключеніями въ путешествіи, такъ какъ и товаръ его и корабль застрахованы. Если онъ затратилъ пятьдесятъ тысячъ рублей, онъ получитъ теперь шестьдесятъ и, повторяя тѣ-же операціи раза три въ годъ, будетъ жить себѣ барономъ. Рискъ, опасность будетъ только тогда, когда онъ

захочетъ спекулировать на какомъ-нибудь новомъ товарѣ тогда онъ можетъ или сразу удвоить свое состояніе или разомъ все потерять.

Но спрашивается, гдѣ же онъ нашелъ людей, которы за ничтожный матросскій заработокъ рѣшились пуститьс въ плаваніе, совершить путешествіе въ Китай и обратно рѣшились столько работать, утомляться, рисковать жизнью Какъ могъ онъ найти въ докахъ разгрузчиковъ и нагруз чиковъ, которые работали на него, какъ волы, и которым онъ платилъ ровно столько, сколько нужно было, чтоб они не умерли съ голоду? Какъ это все ему удалось? От вѣтъ простъ.—Только благодаря тому, что бѣдноты везд не оберешься! Пойдите въ любую гавань, обойдите там кабаки, посмотрите на босяковъ, которые приходятъ туд наниматься и дерутся у воротъ лондонскихъ доковъ, осаж дая ихъ съ ранняго утра, чтобы только получить возмож ность работать на корабляхъ. Посмотрите на этихъ мо ряковъ, которые радуются, когда послѣ цѣлыхъ недѣль мѣсяцевъ ожиданія имъ удается наняться въ дальнее пла ваніе! Всю свою жизнь они провели, переходя съ одно корабля на другой, и будутъ путешествовать еще на мно гихъ корабляхъ, пока, наконецъ, не погибнутъ гдѣ-нибуд въ морѣ.

Войдите въ ихъ жилище, посмотрите на ихъ женъ дѣтей, одѣтыхъ въ лохмотья, живущихъ неизвѣстно как въ ожиданіи возвращенія отца—и вы узнаете, какъ и п чему богатѣетъ купецъ.

Возьмите примѣры откуда хотите и сколько хотит подумайте сами надъ происхожденіемъ всѣхъ состоян крупныхъ и мелкихъ,—чему бы они ни были обязаны св имъ происхожденіемъ: торговлѣ, банковымъ операціямъ, пр мышленности или владѣнію землею — и вы увидите, ч повсюду богатство однихъ основывается на бѣдности др гихъ. А разъ оно такъ, то анархическому обществу нече будетъ бояться неизвѣстнаго Ротшильда, который явил бы вдругъ и поселился въ его средѣ. Если каждый чле

общества будетъ знать, что послѣ нѣсколькихъ часовъ производительнаго труда, онъ будетъ имѣть право пользоваться всѣми наслажденіями, доставляемыми цивилизаціей, всѣми удовольствіями, которыя даетъ человѣку наука и искусство, онъ не станетъ продавать за ничтожную плату свою рабочую силу. Для обогащенія такого Ротшильда не найдется нужной бѣдноты. Его деньги будетъ не больше какъ куски металла, пригодные для разныхъ поддѣлокъ, но плодиться и рожать новые золотые и серебряные кружки, они больше не смогутъ.

* * *

Этотъ отвѣтъ на возраженіе опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлы экспропріаціи. Экспропіировать, — взять назадъ въ руки общества—нужно *все то*, что даетъ возможность кому бы то ни было—банкиру, промышленнику или землевладѣльцу—присвоить чужой трудъ. Оно просто и понятно.

Мы вовсе не хотимъ отнимать у каждаго его пальто, но мы хотимъ отдать въ руки рабочихъ *все*,—рѣшительно все, что даетъ возможность кому бы то ни было ихъ эксплуатировать. И мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, чтобы никто не нуждался ни въ чемъ и чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было *ни одного* человѣка, который былъ бы *вынужденъ* продавать свою рабочую силу, чтобы обезпечить существованіе свое и своихъ дѣтей.

Вотъ что мы понимаемъ подъ экспропріаціей и вотъ какъ мы смотримъ на наши обязанности во время революціи—революціи, до которой мы надѣемся дожить, не черезъ сто лѣтъ, а въ *недалекомъ* будущемъ.

III.

Анархическія идеи вообще и идея экспроціаціи въ частности встрѣчаютъ среди людей независимыхъ и среди людей, которые не считаютъ праздность высшею цѣлью жизни,

гораздо больше сочувствія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. «Но берегитесь», часто говорятъ намъ друзья; «не заходите слишкомъ далеко; человѣчество не мѣняется въ одинъ день и не слѣдуетъ слишкомъ торопиться съ вашими планами экспропріаціи и анархіи. Вы рискуете такимъ образомъ не добиться никакихъ прочныхъ результатовъ».

По отношеніи къ экспропріаціи, если мы чего боимся, то уже во всякомъ случаѣ не того, чтобы — люди зашли слишкомъ далеко. Мы боимся наоборотъ, что экспропріація произойдетъ въ слишкомъ незначительныхъ размѣрахъ для того, чтобы быть прочною; что революціонный порывъ остановится на полъ-дорогѣ, что онъ размѣняется на мелочи, на полумѣры. Полумѣры же никого не удовлетворятъ, а только произведутъ въ обществѣ очень сильное потрясеніе и нарушатъ его обычное теченіе, но окажутся, въ сущности, мертворожденными, какъ всѣ полумѣры, и, не вызвавъ ничего кромѣ всеобщаго недовольства, приведутъ неизбѣжно къ торжеству реакціи.

Дѣло въ томъ, что въ нашемъ обществѣ существуютъ извѣстныя установившіяся отношенія, которыя совершенно невозможно измѣнять по частямъ. Всѣ части того механизма, который представляетъ собою наше хозяйственное устройство, такъ тѣсно связаны между собою, что невозможно дотронуться до одной изъ нихъ, не затронуть вмѣстѣ съ тѣмъ всего остального. Въ этомъ убѣдятся революціонеры при первой же попыткѣ экспропріировать что бы то ни было.

Представимъ себѣ, что въ какой-нибудь мѣстности происходитъ такая частичная, ограниченная экспропріація; что экспропріируютъ, напримѣръ, крупныхъ земельныхъ собственниковъ, не касаясь фабрикъ—какъ предлагалъ нѣкогда Генри Джорджъ; или представимъ себѣ, что въ какомъ-нибудь городѣ экспропріируютъ дома, не обращая въ то же время въ общую собственность съѣстныхъ припасовъ; или же, что въ какой нибудь мѣстности экспропріируютъ фабрики, не трогая крупной поземельной соб-

ственности Результатъ будетъ всегда одинъ и тотъ же: огромное потрясеніе во всей хозяйственной жизни, при отсутствіи возможности перестроить эту хозяйственную жизнь на новыхъ началахъ; пріостановка въ промышленности и обмѣнѣ, безъ возвращенія къ принципамъ справедливости; невозможность для общества возстановить гармонію цѣлаго.

Если крестьянинъ освободится отъ барина, а въ то же время промышленность не освободится отъ власти капиталиста, купца и банкира, то результата не получится никакого. Крестьянинъ страдаетъ въ настоящее время не только отъ того, что ему приходится платить аренду собственнику земли, но и отъ всей совокупности современныхъ условій: отъ подати, которую съ него взимаетъ фабрикантъ, продающій ему за рубль заступъ, который стоитъ—сравнительно съ работой крестьянина—не больше полтинника; отъ налоговъ, которые взимаетъ съ него государство, существованіе котораго невозможно безъ цѣлой толпы чиновниковъ; страдаетъ онъ отъ издержекъ на содержаніе войска, которое нужно государству потому, что капиталисты всѣхъ народовъ ведутъ между собою непрерывную войну за рынки, и что изъ-за права обирать ту или другую часть Азіи или Африки, каждый день можетъ вспыхнуть война. Крестьянинъ страдаетъ въ Западной Европѣ отъ обезлюденія деревень, изъ которыхъ молодежь уходитъ въ большіе города, куда ее привлекаетъ временно болѣе высокая заработная плата, получаемая на производствѣ предметовъ роскоши, или же удовольствіе болѣе живой жизни; онъ страдаетъ, кромѣ того, отъ искусственнаго поощренія промышленности, въ ущербъ сельскому хозяйству; отъ торговой эксплуатаціи другихъ странъ; отъ биржевыхъ спекуляцій, отъ трудности улучшить почву и усовершенствовать свои орудія и т. д. Словомъ, земледѣліе страдаетъ не только оттого, что приходится платить аренду (постоянно повышаемую) за землю, но отъ всей совокупности условій существованія нашихъ обществъ, основанныхъ на эксплуатаціи. И если бы даже экспропріація

дала возможность каждому обрабатывать землю и поль зоваться ея плодами, не платя никому земельной ренть земледѣліе, хотя и почувствовало бы нѣкоторое временно облегченіе, но во всякомъ случаѣ, быстро бы вернулос назадъ къ тому же подавленному состоянію, въ каком находится теперь. Все пришлось бы начинать сначала,— только къ прежнимъ затрудненіямъ прибавились бы ещ новыя.

То же самое и съ промышленностью. Попробуйте завтр передать фабрики въ руки рабочихъ, т. е. сдѣлайте то что было сдѣлано для нѣкоторыхъ крестьянъ, ставших собственниками земли; попробуйте уничтожить фабрикан товъ, но оставьте землю въ собственности помѣщиковъ деньги въ собственности банкировъ, биржу — въ собствен ности торгашей. Сохраните, однимъ словомъ, всю масс тунеядцевъ, живущихъ на счетъ труда рабочаго, и всѣх существующихъ посредниковъ, живущихъ съ чужого труда а также — сохраните государство съ его безчисленным чиновниками — и вы увидите, что положеніе промышлен ности нисколько не улучшится. Не находя покупателе въ массѣ крестьянъ, оставшихся бѣдняками, не имѣя сы рого матеріала и не обладая возможностью вывозить сво продукты—отчасти вслѣдствіе застоя въ торговлѣ, главно же благодаря тому, что промышленность распространяетс повсюду — она неизбѣжно должна прозябать. Фабрик начнутъ закрываться, рабочіе окажутся выброшенными н улицу, и голодныя толпы ихъ будутъ готовы подчинитьс первому встрѣчному политическому пройдохѣ, въ род Наполеона III, или даже вернуться къ старому порядку,— лишь бы имъ обезпечили правильную плату за ихъ труд

Или—попробуйте экспропріировать земельныхъ собст венниковъ и передать фабрики въ руки рабочихъ, не ка саясь при этомъ толпы посредниковъ, которые сбываютъ продукты нашихъ мануфактуръ и спекулируютъ въ круп ныхъ городахъ на муку, на хлѣбъ, на мясо—на все! Обмѣн тогда пріостановится, продукты перестанутъ двигаться п

странѣ, Парижъ останется безъ хлѣба, а Ліонъ не будетъ находить сбыта для своего шелка — и реакція воцарится опять съ ужасающей силой, на трупахъ рабочихъ, опустошая картечью города и деревни, среди оргій, казней ссылокъ, какъ это и было въ 1815-мъ, 1848-мъ и 1871-мъ годахъ.

Въ нашемъ обществѣ все такъ тѣсно связано между собою, что невозможно коснуться одной какой-нибудь отрасли хозяйства, безъ того, чтобы это не отозвалось на всѣхъ остальныхъ. Какъ только частная собственность будетъ уничтожена въ одной какой-нибудь формѣ—поземельной или промышленной—ее нужно будетъ уничтожить и во всѣхъ остальныхъ. Самый успѣхъ революціи сдѣлаетъ это необходимымъ.

Впрочемъ, мы не могли бы ограничиться частичной экспропріаціей, даже если бы хотѣли этого. Какъ только самый *принципъ* „священной собственности“ будетъ покоебленъ, никакіе теоретики не смогутъ помѣшать ея исчезновенію подъ ударами ея взбунтовавшихся рабовъ — земледѣльческихъ, промышленныхъ, желѣзнодорожныхъ, портовыхъ. Если какой-нибудь большой городъ, напримѣръ Парижъ, возьметъ въ свою собственность дома или фабрики, то онъ, самою силою вещей будетъ вынужденъ отвергнуть и права банкировъ на взиманіе съ Парижа пятидесяти милліоновъ годового налога, въ видѣ процентовъ на прошлые займы. Точно также, вступивши въ сношенія съ земледѣльческими рабочими, ему придется побудить ихъ освободиться отъ поземельныхъ собственниковъ. Придется экспропріировать землю, хотя бы въ окрестностяхъ Парижа. Чтобы кормиться и работать, городу придется также экспропріировать желѣзныя дороги; и наконецъ, чтобы пищевые продукты не тратились зря, и чтобы не оставаться во власти спекуляторовъ на хлѣбъ — какъ это случилось съ коммуной 1793 года—самимъ гражданамъ Парижа придется заняться устройствомъ запасныхъ магазиновъ и распредѣленіемъ хлѣба и всякой пищи.

* * *

Нѣкоторые соціалисты, однако, попытались ввести еще одно различіе.—„Хорошо“, говорили они, „пусть экспропріируютъ землю, угольныя копи, фабрики и заводы. Это—орудія производства и они должны по справедливости разсматриваться какъ общая собственность. Но, кромѣ этого, существуютъ еще предметы потребленія: пища, одежда, жилище, которые должны остаться въ частной собственности“.

Народный здравый смыслъ быстро порѣшилъ съ этимъ слишкомъ тонкимъ различіемъ. Во первыхъ, мы не дикари и не можемъ жить въ лѣсу, въ убѣжищѣ изъ вѣтвей; для работающаго европейца нужна комната, нуженъ домъ, нужна кровать, нужна печка. Для того, кто ничего не производитъ, кровать, комната, домъ—это среда для бездѣлья. Но для человѣка работающаго, отопленная и освѣщенная комната является такимъ же средствомъ производства, какъ какой-нибудь инструментъ или машина. Это—мѣсто, гдѣ возстановляются его мускулы и нервы, которые онъ завтра будетъ тратить на работѣ. Отдыхъ производителя это—подготовленіе машины къ дѣйствію.

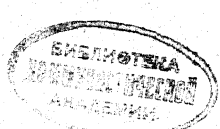
По отношеніи же къ пищѣ, это еще очевиднѣе. Тѣмъ якобы-экономистамъ, о которыхъ мы говоримъ, никогда не приходило въ голову утверждать, что уголь, сгорающій въ машинѣ не входитъ въ число предметовъ, столь же необходимыхъ для производства, какъ и сырой хлопокъ или желѣзная руда. Почему же пища, безъ которой человѣческая машина не способна ни на малѣйшее усиліе исключается изъ предметовъ необходимыхъ для производителя? Что это? Остатокъ религіозной метафизики?

Обильный и утонченный обѣдъ богача, конечно, представляютъ собою потребленіе предметовъ роскоши. Но обѣдъ производителя есть такое же необходимое условіе производства, какъ и сжигаемый паровою машиною уголь.

То же самое и по отношеніи къ одеждѣ. Если бы экономисты, устанавливающіе это различіе между орудіями

производства и предметами потребленія, ходили въ костюмѣ новогвинейскихъ дикарей, тогда это было бы еще понятно. Но людямъ, которые сами не могутъ написать ни строчки, не надѣвши рубашки, совсѣмъ не пригоже устанавливать такое рѣзкое различіе между рубашкою и перомъ. И если богатые туалеты ихъ женъ дѣйствительно предметы роскоши, то тѣмъ не менѣе существуетъ извѣстное количество полотна, бумажной или шерстяной ткани, безъ которыхъ производитель не можетъ производить. Блуза и обувь, безъ которыхъ рабочему нельзя идти на работу, одежда, которую онъ одѣнетъ по окончаніи своего рабочаго дня и фуражка, которая у него на головѣ, такъ же необходимы ему, какъ молотъ или наковальня.

Къ счастію, народъ понимаетъ революцію именно такъ. Какъ только ему удастся смести различныя правительства, онъ прежде всего постарается обезпечить себѣ здоровое помѣщеніе, достаточное питаніе и достаточную одежду, не платя никому за это никакой дани. И онъ будетъ правъ. Его способъ дѣйствія будетъ несомнѣнно болѣе „научнымъ“, чѣмъ пріемъ ученыхъ экономистовъ, устанавливающихъ такія тонкія различія между орудіями производства и предметами потребленія. Народъ пойметъ, что революція должна начаться именно съ этого и положитъ такимъ образомъ основаніе единственной экономической наукѣ, которая дѣйствительно сможетъ претендовать на названіе науки и которую можно будетъ опредѣлить какъ *изученіе потребностей человѣчества и средствъ къ ихъ удовлетворенію безъ лишней траты силъ.*


БИБЛИОТЕКА